

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЕВРЕЙСКИХ ОБРАЗОВ В РАССКАЗЕ А. И. КУПРИНА «ЖИДОВКА»

Самойленко Александра

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Факультет гуманитарных наук, Школа филологических наук
3 курс бакалавриата

105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4,

ORCID: 0009-0007-8474-8153

E-mail: samoylenko.alexha@gmail.com

Аннотация: На рубеже XIX–XX вв. образ евреев в русской литературе изменяется: герои еврейской национальности становятся первостепенными персонажами, а также перестают изображаться лишь в комическом ключе. Рассказ А. И. Куприна «Жидовка» можно отнести к переходному этапу в изображении евреев. В моей работе рассматривается то, как менялась фигура евреев в русской литературе. Для этого мы проанализируем образы и речь персонажей, а также рассмотрим взаимодействия между ними с точки зрения постколониальной теории.

Ключевые слова: Рассказы Куприна, образ евреев, постколониальные исследования, ориентализм

DOI: 10.62620/IKP.2025.25.11.008

Для цитирования: Самойленко А. Репрезентация еврейских образов в рассказе А. И. Куприна «Жидовка» // Newish. Молодежный журнал по истории и культуре евреев. 2025. № 1. С. 160–168.

Статья поступила: 15.09.2024. *Принята к публикации:* 01.11.2024

REPRESENTATION OF THE IMAGE OF JEWS IN THE STORY OF A. I. KUPRIN “ZHIDOVKA”

Aleksandra Samoylenko

National Research University Higher School of Economics
Faculty of Humanities, School of Philology
3rd year of Bachelor's degree
21/4 Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russia
ORCID: 0009-0007-8474-8153
E-mail: samoylenko.alex@gmail.com

Abstract: At the turn of the 19th and 20th centuries, the representation of Jews in Russian literature underwent a significant transformation. Jewish characters were no longer portrayed solely in a comedic light, and they became central figures in literary works. A. Kuprin's short story “Zhidoovka” serves as a case study for this shift in portrayal. This paper aims to examine how the image of Jews evolved in Russian literature and how it reflects postcolonial perspectives. Through an analysis of characters' speech and interactions, we will explore the changing dynamics of Jewish representation in Russian literature.

Keywords: Kuprin's stories, The Image of Jews, Postcolonial studies, Orientalism

DOI: 10.62620/IKP.2025.25.11.008

To cite: Samoylenko, A. Representation of the image of Jews in the story of A. I. Kuprin “Zhidoovka”. *Newish. Young Scholars Journal of Jewish History and Culture*. 2025. 1. P. 160–168.

Received: 15.09.2024. *Accepted:* 01.11.2024

Рассказ А. И. Куприна «Жидовка» (1904) посвящен жизни евреев на территории Российской империи конца XIX — начала XX в. Уже само название указывает на пренебрежительное отношение к еврейскому народу. Однако в рассказе не все столь однозначно: главный герой, врач Кашинцев, не решается назвать встретившуюся ему еврейку «жидовкой» и в определенный момент даже отказывается от стереотипно-отрицательного мнения о всем еврейском народе. Кашинцев по-разному относится к еврейским женщинам и еврейским мужчинам. Этот персонаж является собой некую «модель» отношения русского к еврею, его взгляд на евреев — это взгляд русского человека, представителя империи. Рассмотрим, как изменялся с течением времени образ евреев в русской литературной традиции, и постараемся выявить причины двойственности взглядов главного героя.

Для анализа взаимодействия персонажей титульной нации с еврейскими мы обратимся к постколониальным исследованиям, в частности работам Э. Саида «Ориентализм» [2021 (1978)] и Г. Ч. Спивак «Могут ли угнетенные говорить?» [2023]. Однако стоит помнить, что эти исследования по большей части посвящены взаимосвязи жителей колонизированных стран Африки и Азии и людей, происходящих из метрополий в Западной Европе и Америке. Мы попробуем применить эту методологию для анализа отношений еврейской и русской частей населения Российской империи.

Первый еврей, с которым сталкивается Кашинцев, — Мойша Хацкель, владелец кабака в отдаленной (видимо, западной) губернии Российской империи. Эта география неслучайна, в то время в стране существовала черта оседлости, определенная граница, за пределами которой евреям не позволялось жить и работать. Вот как описан в рассказе Хацкель: «Откуда-то поспешно выскочил низенький, коренастый светлородый еврей в высоком картузе и в вязаной жилетке табачного цвета. Он что-то дожевывал на ходу и суетливо вытирал рот рукой» [Куприн 1912, 276]. Облик еврея довольно стереотипен, что характерно для ориенталистского взгляда, похожее описание встречаем в повести И. С. Тургенева «Жид»: «Этот жид, по прозвищу Гиршель, то и дело таскался в наш лагерь, напрашивался в факторы, доставал нам вина, съестных припасов и прочих безделок; росту был он небольшого, худенький, рябой, рыжий, беспрестанно моргал

крошечными, тоже рыжими глазками, нос имел кривой и длинный и все покашливал» [Тургенев 1978, 109].

Важны и речевые характеристики еврея. Их находим в первом диалоге главного героя с владельцем кабака:

«— Добрый вечер, пане, добрый вечер, — сказал он дружелюбно и тотчас же с участливым видом закачал головой и зачмокал губами. — Тце, тце, тце... Ой, как пан смерз, не дай бог! Позвольте, позвольте мне вашу шубу, я ее повешу на гвоздь. Пан прикажет самовар? Может, что-нибудь покушать? Ой, ой, как пан смерз!» [Куприн 1912, С. 277].

Речь Хацкеля наполнена множеством повторов, все его действия поспешны. В Российской империи евреи по праву рождения имели низкий социальный статус и никогда не воспринимались равными русским, обладающими тем же положением в обществе. Евреям приходилось компенсировать такое отношение чрезмерной заботой и услужливостью. Мойша так угодлив, что стремится узнать о Кашинцеве даже больше, чем прилично, спрашивая, женат ли гость.

Зажатые со всех сторон — государством, соседями-иноверцами — евреи ощущают беспомощность. Это просматривается в портрете Хацкеля: «В нем, под внешней расторопной пронырливостью, чувствовалось что-то замороженное, хилое, говорящее о бедности, приниженности и плохом питании. Самое жалкое впечатление производила его длинная шея, выходявшая из гарусного шарфа, — худая, грязно-желтая; на ней, точно толстые струны, выступали вперед, по бокам глотки, две длинные, напряженные жилы с провалом посредине» [Куприн 1912, 285].

Выражение лица Мойши отражает то угнетенное положение, в котором находились в рассматриваемый период почти все евреи Российской империи. О безнадежном положении евреев говорит и сфера их традиционной занятости: «Крутимся как-нибудь. Покупаем и продаем, когда бывает базар. Отбиваем друг у друга последний кусочек хлеба. Эх! Что много говорить! Разве же кому интересно знать, как мы здесь страдаем?..» [Куприн 1912, 285]. Торговлю и ростовщичество можно назвать вынужденными занятиями, ведь государственные должности были почти недоступны — для евреев существовала квота [Бердников 2016, 573].

Однако даже находясь в такой, казалось бы, безвыходной ситуации, Хацкель продолжает работать и надеяться на лучшее. Эта надежда проскальзывает в словах: «Вот тоже писали за сионистов. Пан читал, что в Париже собирался конгресс?» [Куприн 1912, 285]. Эта фраза свидетельствует об отходе от традиции: раньше евреи не задумывались о будущем, тем более не представляли его в положительном ключе. Важно отметить, что у анализируемого нами рассказа есть историческая база. В начале XX в. сионистские конгрессы проводились регулярно, хронологически наиболее близкий к дате написания рассказа конгресс проходил в 1903 г. в Базеле [Бердников 2016, 540].

Концепция ориентализма предполагает четкое деление мира на западный и восточный [Саид 2021 (1973)], в нашей ситуации — на имперский (русский) и колонизируемый (еврейский). Такое разграничение препятствует взаимопроникновению культур, ставит русскую культуру в положение доминантной. Эта дихотомия способствует созданию и усилению стереотипов и по отношению к евреям. С подобным предубеждением мы встречаемся в эпизоде, когда Кашинцеву подают рыбу. У него сразу же возникает мысль, что еда нечистая, хотя он даже не знаком с бытом евреев.

Одной из отличительных черт ориентализма является однополярный взгляд на отношения между двумя мирами. В рассказе мы видим лишь взгляды русских персонажей на евреев, но совершенно не знаем, что думают о титульном населении евреи. Еврейские персонажи представлены в рассказе лишь портретными (преимущественно стереотипизированными) чертами и действиями, тогда как речь главного русского персонажа представлена внутренними монологами. Национальное меньшинство остается для нас безгласным как метафорически, так и в самом прямом смысле слова.

Важно отметить, что в рассказе присутствуют упоминания об элементах национальной культуры евреев: идишские слова *шабес* (шаббат) и *фиш* (рыба), фаршированная рыба и водка для Песаха (национальные блюда). Анализируя, как показана еврейская культура, можно сказать, что взгляд на нее схож с ориенталистским. Еврейские традиции воспринимаются через русскую бытность. Слова на идише даны кириллицей, а Песах сравнивается с Пасхой, хотя с ней не имеет ничего общего, кроме возмож-

ной близости дат: Пасха посвящена воскресению Христа, а в Песах отмечают исход народа Моисея из Египта.

В контексте концепции ориентализма отдельного внимания заслуживает язык. На протяжении почти всей истории герои общаются друг с другом на русском — языке титульной нации, однако есть и небольшое вкрапление еврейского языка. С переходом на родной язык Мойша кардинально меняется, эта смена хорошо прослеживается в момент разговора с Этлей: «Ах, пан — доктор! Это очень приятно. Поверьте моей совести, я очень жалею, что не могу вам достать водки. Впрочем... Этля! — крикнул Хацкель, отходя от стола. — Этля!

Он скрылся за занавеску и заговорил по-еврейски быстро, точно сердясь. И потом он несколько раз то появлялся в общей комнате, то опять исчезал и, видимо, очень суетился» [Куприн 1912, С. 278].

Мойша не прекращает суетиться, но тон его сменяется с доброжелательного на сердитый. В этом эпизоде читатель видит настоящие эмоции Хацкеля и усталость от вечной необходимости выслуживаться. Такая смена языков вызывает сочувствие у читателя и заставляет понять, чего стоит вечная услужливость еврейского персонажа.

Ориентализм также проявляется в том, что титульное население не только ставит себя выше еврейского, но и диктует еврейскому, как следует себя вести. Согласно ориенталистским взглядам знание и власть должны оправдывать такое поведение. Евреям ничего не остается, как подчиняться, вне зависимости от того, справедливы упреки в их адрес или нет. В «Жидовке» много примеров, демонстрирующих, как герои разного социального положения позволяют себе уничижительное отношение к евреям. Крестьянин Трофим выкрикивает оскорбительные фразы Этле и Хацкелю, хозяевам кабака: «Жиды, матери вашей черт!» [Куприн 1912, С. 279]. Эти слова он произносит, будучи пьяным, то есть неприязнь к людям другого мира настолько сильно закрепились в сознании, что проявляется неосознанно.

«Не правда ли, пархатый жидишка?» — эту фразу произносит пристав Ирисов, подозревающий евреев в преступлении. Его социальное положение значительно выше, чем у крестьянина Трофима. При этом он знает, что этот крестьянин — преступник, но не спешит уличать его. Между тем еврей он обвиняет без доказа-

тельств. Важно отметить, что в оба персонажа (и Трофим, и Ирисов) используют оскорбительное определение «жид». Это должно еще больше увеличивать дистанцию между титульным населением и евреями. Хацкель же соглашается со всем, что ему говорят, и даже просит прощения. Неприязнь настолько укоренилась, что такое поведение — единственный выход, оставшийся еврею.

Господствующие имперские взгляды не дают возможности кому бы то ни было иметь собственное, отличное от закрепившегося, мнение о евреях. Образ мышления в обществе ставит человека в рамки, которые определяют, что можно говорить о евреях, а чего не следует. С этими ограничениями сталкивается главный герой в конце рассказа: Кашинцев размышляет о величии еврейского народа, мужестве, которое помогает ему не исчезнуть и по сей день. В этих раздумьях фигура бедной еврейской женщины из российской провинции олицетворяет всю мощь, силу и красоту еврейского народа. Однако размышления главного героя прерываются окриком пристава, обращенным к еврейке. Этот контраст носит намеренный характер, он опускает персонажа с «вершины» его размышлений до реальной ситуации, господствующей в обществе, ему становится «стыдно перед самим собою за эти мысли» [Куприн 1912, 290]. Единственное, что остается в памяти главного героя, — красота еврейской женщины: «Властная красота чуждой незнакомой женщины осветила и согрела ему душу» [Куприн 1912, 296].

Образ прекрасной еврейки в литературе не уникален, он имеет большую традицию [см.: Полонская 2013]. Сюжет, в котором фигурирует еврейская красавица, получил широкое распространение не только в русской, но и в европейской литературе. Источником образа, по-видимому, является Ветхий Завет, затем он стал популярен у романтиков [Полонская 2013, 143]. Внешность еврейской героини поражает русских героев в первую очередь своей необычностью, экзотичностью, и такой взгляд, конечно, тоже имеет ориенталистскую основу. Образ, схожий с рассматриваемым купринским образом Этли, мы находим у Тургенева — это Сара в повести «Жид»: «Ее красота меня поразила» — признается рассказчик [Тургенев 1978, 111].

Ирисов сходится с Кашинцевым в признании красоты Этли, однако говорит, что социальные нормы не позволяют любить

женщину такого происхождения: «Нет никакой физической возможности» [Куприн 1912, 296]. Эта сцена отлично демонстрирует то, что общество не допускает никакого восхищения силой духа, смелостью, трудолюбием еврейского народа, а позволяет восторгаться лишь красотой его женщины.

Рубеж XIX и XX вв. был насыщен многочисленными культурными и политическими изменениями. Для евреев, проживающих на территории Российской империи, это было довольно трудное время из-за роста ненависти со стороны власти и населения. Тем не менее в этот период в русской литературе в репрезентации евреев происходят изменения. Герои еврейской национальности начинают выходить на первый план, читатель все больше знакомится с их повседневной жизнью и трудностями, связанными с особым положением евреев в империи. Однако до преодоления предрассудков еще далеко. Рассказ Куприна «Жидовка» полон стереотипов, которые можно трактовать как проявления ориентализма. При этом в произведении прослеживаются детали, не свойственные предыдущей традиции: еврейская героиня Этля не просто наследует романтический образ прекрасной еврейки — она олицетворяет собой судьбу еврейского народа. Впрочем, эта историософская мысль не получает развития в произведении, а главному герою становится даже стыдно за нее. Этот факт можно объяснить распространенным в указанный период двойственным отношением к еврейской культуре. Древняя ветхозаветная культура, положившая начало христианству, почиталась большинством, а вот бытовая еврейская культура снискала негативное отношение. Таким образом, новаторство А. И. Куприна проявляется в вынесении еврейских персонажей на первый план, в психологизме этих образов. Однако поставить героев еврейской национальности на один уровень с русскими и посмотреть на них лишенным стереотипов взглядом пока не получается.

Источники

Куприн 1912 — *Куприн А. И.* Полное собрание сочинений: Т. 1–9. СПб: Т-во А. Ф. Маркс, 1912–1915. Т. 1.

Тургенев 1978 — *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1978–2018. Т. 4: 1859–1861.

Литература

Бердников 2016 — *Бердников Л. И.* Евреи в царской России. Сыны или пасынки? СПб: Алетейя, 2016. 662 С.

Полонская 2013 — *Полонская А.* Европейский сюжет о «прекрасной еврейке» в литературе на идише // Тирош. Труды по иудаике. 2013. № 13. С. 143–162

Саид 2021 — *Саид Э. В.* Ориентализм. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 560 с.

Спивак — *Спивак Г. Ч.* Могут ли угнетенные говорить? М.: V-A-C, 2023. 148 С.

References

Berdnikov, L. I., 2016, *Evrei v carskoj Rossii. Syny ili pasynki?* [Jews in Tsarist Russia. Sons or Stepsons?]. St. Peteresburg, Aletejja, 662.

Polonskaja A., 2013, *Evropejskij sjuzhet o «prekrasnoj evrejke» v literature na idishe* [The European Story about the “Beautiful Jewess” in Yiddish Literature]. *Trudy po iudaike*, 13, 143–162.

Said E., 2021, *Orientalizm* [Orientalism]. Moscow, Garage Museum of Contemporary Art's, 560.

Spivak G., 2023, *Mogut li ugnetennye govorit'?* [Can a Subaltern Speak?] Moscow, V-A-C, 148.